

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО ОРОЧЕЙ

Анатолий Федорович СТАРЦЕВ,
кандидат исторических наук, член-корреспондент
Российской академии естественных наук

Традиционному хозяйству орочей — охоте, рыболовству и собирательству — свои труды посвящали дореволюционные и советские ученые (Л.И.Шренк, В.П.Маргаритов, И.П.Лопатин, В.К.Арсеньев, В.А.Аврорин, В.Г.Ларькин и др.)¹, которые описали некоторые способы охоты, рыболовства и орудия труда орочей. Вопросами хозяйства орочей советского периода до 1964 г. преимущественно занимался В.Г.Ларькин, который в своем ис-

следовании отразил только положительные стороны развития хозяйства за 45 лет со дня Октябрьской революции 1917 г². Заслугой автора является наиболее полная систематизация и конкретизация многих сведений о традиционном хозяйстве орочей.

Охота являлась одним из основных занятий орочей, навыки охотничьего мастерства прививались с детства. Когда мальчику исполнялось 12—14 лет, он получал от отца, дяди или старшего брата стрелы и лук, отправлялся в тайгу и не возвращался до тех пор, пока не убивал какое-либо животное. Первая удачная охота подростка свидетельствовала, что он стал взрослым и способен кормить семью.

Охотничье снаряжение орочи изготавливали сами. У каждого охотника имелись лук и копье. Лук являлся универсальным оружием. Он применялся как для стрельбы с руки, так и в качестве самострела. При стрельбе охотник надевал на большой палец правой руки специальное кольцо, которое предохраняло палец от удара тетивой. Кольцо могло быть костяным, из сухожилия или из кожи сохатого. Каждый охотник имел набор стрел, предназначенных для охоты на пернатых, мелких и крупных зверей. Стрелы охотник хранил в колчане, сделанном из бересты или из невыделанной кожи изюбра. В походном положении копье крепили на поясе с правой стороны. Здесь же вешали ножи с прямым и кривым лезвиями и сумочку, в которой хранили трут с огнивом или спички. Копья с двусторонним лезвием орочи покупали у торговцев или делали сами. Копьями с длинным черенком добывали мелких копытных животных или молодых кабанов, с короткими и более массивными черенками — крупных животных. На крупных зверей часто охотились и с рогатиной. Она использовалась и как охотничье оружие, и для снятия коры с деревьев, и как пешня для пробивания льда.

Каждый охотник имел специальное приспособление для переноски тяжестей. Оно представляет собой две виллообразные рогульки, соединенные ремешками и снабженные плечевыми лямками. Подобный тип носилок широко распространен среди охотников Приамурья, чем и объясняется их одинаковое название³.

Объектом охоты у орочей были водоплавающая и боровая дичь, пушные и копытные звери. Орочи добывали кабаргу, изюбра, лося, дикого оленя, дикую козу, белку, росомуху, соболя, выдру, дикого кабана, нерпу разных возрастов, сивуча и других животных. Продукты промысла полностью использовались в хозяйстве: мясо употреблялось в пищу, шкуры — для пошива обуви, одежды, хозяйственных и промысловых сумок и т.д. Продукция пушной охоты имела товарное значение.

Охота на пушных зверей начиналась в конце октября и продолжалась до февраля — марта. После этого срока орочи прекращали охоту на пушных зверей, и не добывали их даже тогда, когда поймать, например, соболя, было очень легко⁴.

Определенного срока охоты на копытных у орочей не существовало, охотились круглый год. Однако старики всегда наказывали не трогать стельных животных, не бить весной нерпу⁵; нельзя было убивать зверя больше, чем могла использовать семья в ближайшее время. Мясо убитого животного бросать категорически запрещалось.

Интенсивная охота на пушных зверей и особенно на соболя стала практиковаться только в 70—80-х годах XIX в. с появлением в крае торговцев и скупщиков пушнины. К ней орочи готовились заранее: плели сетки, делали стрелы, чинили нарты, шаманили и просили у «хозяина» тайги удачи в предстоящем промысле. «Выезд на охоту — это своего рода праздник, это величайший день в году», — писал В.К. Арсеньев⁶.

Промысел соболя осуществлялся разными способами. К наиболее старым относится выслеживание зверя по следу. Загнав соболя под пень, орочи ловили его специальной сеткой — рукавчиком⁷, длина которой достигала метра, а входное отверстие по диаметру составляло 20—35 см. Охотник, установив сетку, ждал, когда соболь выйдет из норы и запутается в рукавчике. Если

соболь залезал в дупло, охотник валил дерево на землю. Соболь при рубке дерева не убегает. Свалив дерево и заткнув дупло, охотник прорубает небольшое отверстие в его верхней части и приставляет к нему сетку. Соболь или сам выходит из дупла, или его выгоняют при помощи огня и дыма. В том и другом случае зверек попадает в сетку⁸.

Когда тайга покрывалась снегом, а речки еще не успели сковаться льдом, соболя ловили волосяной петлей. «Зная привычку соболя переходить ручьи и речки через перекинутые деревья, каждый ороц делает таких перекладин на своей родной речке иногда штук 20 и более и на каждой такой перекладине ставит пленку — волосяную петлю»⁹. Подробное описание установки петли на соболя имеется в трудах В.А. Аврорина¹⁰.

Волосяная петля не портит шкурку соболя, что повышает ее качество и цену, кроме того, в этом случае шкурка не будет испорчена мышами или птицами. Однако такой промысел эффективен до тех пор, пока реки не покроются льдом. С наступлением сильных морозов ороци отдавали предпочтение давящим ловушкам, известным под названием *лангу*. Они характерны для всех тунгусо-маньчжуров¹¹. Давящие ловушки использовались также для промысла колонка, горноста и других мелких зверьков. Их ставили по первому снегу в октябре-ноябре. Один охотник обычно устанавливал до сотни ловушек¹².

Ловушки с давящим устройством были трех видов — *дои*, *хиптока* (*хипитаука*), *лангу*. Промежуточное положение между лучком-самострелом и давящей ловушкой занимает ловушка *капали*, которую устанавливали зимой на соболя. Устройство и принцип ее действия аналогичен тунгусскому черкану¹³.

Ловушка *хиптока* с приманкой устанавливалась на тропах, *дои* — на валежинах, переброшенных через ручей, *лангу* — в дуплах деревьев. Зверек, пробежавший по валежине или тронувший приманку в ловушке, нарушал сторожживающий механизм и придавливался жердью. Непрактичность ловушек с давящим устройством заключалась в том, что промышлять ими можно было только в начале зимы (по глубокому снегу они не срабатывали). В эти ловушки также попадали звери с летним мехом. Кроме того, мех животных, попавших в ловушки, часто портили птицы и мыши. Исходя из этого, еще И.П. Надаров высказывал мысль о необходимости запрета ловушек давящего типа. Он считал, что эта мера будет способствовать добыче зверя только с доброкачественной шкурой¹⁴.

Для лова лисиц ороци использовали ловушку *касока*. Обычная жердь толщиной в руку охотника вбивалась в землю и расщеплялась сверху. В расщеп клали приманку. Лиса, пытаясь ее достать, подпрыгивала, попадала лапой в расщеп и застревала в нем¹⁵. На лис ороци охотились также с луком или огнестрельным оружием. Часто применялась и отравка, которую ороци доставали у маньчжуров или русских купцов¹⁶.

Добыча белки производилась от случая к случаю из-за низкой цены ее меха. По выражению орочей, шкурка белки «не окупает ружейного выстрела и не стоит того, чтобы для нее устраивать какие-либо ловушки»¹⁷.

Охота с помощью самострела была наиболее распространенным способом. Все самострелы были одной конструкции и отличались лишь размерами да типом применяемой стрелы, название которой служило одновременно и названием самострела.

Самострелы *бэйчингку* подразделялись на малые *дэнгу*, средние *усули* и большие *сэмму*. Соболя добывались малым самострелом или лучком. Его устанавливали перпендикулярно следу зверя. Соболь, проходя под лучком, задевал волосы от сторожки и попадал под стрелу. Чтобы раненый зверек не унес стрелу, ее привязывали к длинному шнуру. Неудобство этого способа заключалось в том, что стрела портит шкурку соболя¹⁸. Средний самострел применялся для добычи выдры. Он ставился на след зверя под углом 30—45 градусов. Стрела у этого самострела была с наконечником в виде трезубца. Для добычи кабана, лося и других крупных животных устанавливался боль-

шой самострел со стрелой ланцетовидной формы. Самострел устанавливался горизонтально к земле на двух вертикальных опорных палках на высоте груди крупного животного. Шнур от настораживающей петли протягивался через тропу и закреплялся на дереве. Когда зверь касался грудью шнура, самострел срабатывал и поражал животное.

Крупных животных орочи добывали и гоном. По глубокому снегу охотник на камусных лыжах догонял уставшее животное и убивал его из лука или из ружья. По весеннему насту лося или кабана преследовали на лыжах-голицах.

Во второй половине XIX в. орочи охотились с фитильными ружьями. Их выменивали у маньчжурских торговцев за пушнину. Заряжали фитильные ружья с дула. Порох хранили в кожаной пороховнице, пули и дробь — в специальном кожаном мешочке или в берестяном туеске. Пули и дробь орочи изготовляли сами, покупая для этого только свинец. Для отливки пуль у каждого охотника имелась специальная форма¹⁹.

Фитильное ружье было тяжелым и неудобным. В 80-х годах XIX в. орочи стали приобретать у русских дробовые ружья, нарезное многозарядное оружие типа «Бердана» и «Винчестер». Патроны держали в патронташе. Оружие хранили в специальном чехле²⁰. Из-за дороговизны боеприпасов орочи вместе с огнестрельным оружием носили и копье. Ружьем пользовались в экстренных случаях (защита от раненого зверя), когда копьем зверя добыть очень трудно²¹.

С появлением огнестрельного оружия стали вырабатываться и новые приемы охоты. С ружьем охотились в любое время года. Крупных копытных животных добывали скрадыванием или гоном с помощью собак, которые задерживали зверя, давая охотнику подойти на верный выстрел. Другим излюбленным местом добычи лося или изюбра были заводы, куда зверь приходил лакомиться и купаться. Здесь на него охотились с оморочки. Зверь в воде фыркал, создавал шум и терял осторожность. Охотник с подветренной стороны почти вплотную подплывал к животному и стрелял без промаха.

Большое внимание орочи уделяли мускусному промыслу. В окрестностях Императорской Гавани в большом количестве водилась кабарга, струю которой охотно покупали торговцы. Кабаргу били из ружей, из лука, добывали ловушками-петлями²². Принцип устройства и установки петли *хукку* детально описан В.А. Аврориным²³.

Орочи из рода Намунка занимались и зверобойным промыслом, добывалась белая и пятнистая нерпы и сивучи. «Весной, когда, по уверению орочей, убитые нерпы и сивуч не тонут, а остаются на поверхности воды в течение нескольких часов, орочи охотятся за ними в больших лодках... лодки выплывают далеко в море, расходятся на известное расстояние друг от друга и бьют нерп из ружья»²⁴.

По мировоззрению орочей, убивать большое количество нерп нельзя, иначе хозяин зверей мог наказать охотников. В.К. Арсеньев как-то оказался свидетелем охоты, когда орочи убили около ста животных и не заметили, что льдину оторвало от припая и унесло в море. Несколько дней они находились на краю гибели, а когда льдину прибило к берегу, охотники побросали всех нерп в воду в жертву хозяину моря Тэму, считая, что «это он наказал их за убой такого большого количества тюленей — его собак. Орочи дали обет на будущее бить зверя ровно столько, сколько надо для прокормления»²⁵.

Охота на птиц не играла в хозяйстве орочей большой роли, ею занимались в основном подростки и старики. Добывали черного рябчика, тетерева, дикого гуся, утку крякву, баклана и др. Взрослые орочи-охотники добывали птицу попутно.

В начале XX в. меновая торговля стала заменяться денежной. Это существенно расширило рынок сбыта. Объем пушнины на продажу стал резко возрастать, расширился ее ассортимент. Если до конца XIX в. орочи добывали преимущественно соболя, выдру и лису, то теперь объектом охоты и торговли стала и белка. Спрос на пушнину заставил орочей удлинить срок охоты на соболя и увеличить его добычу. В конечном итоге это привело к резкому

сокращению количества зверя. Если в конце XIX в. охотник добывал от 70 до 100 соболей, то в 1909 г. не мог поймать и девяти²⁶.

В 1912 г. добыча соболя в Приамурье была запрещена на 3 года. В.К. Арсеньев писал по этому поводу: «Составитель закона имел хорошую цель, но результат получился совершенно обратный. Дело в том, что для туземцев звероловство является столь же необходимым средством к жизни, как и рыболовство. Без соболевания они будут терпеть такую же нужду, как и земледельцы, которым запретили бы обрабатывать землю, а потому одним запретом невозможно было остановить туземцев от соболиного промысла»²⁷.

Запрет охоты на соболя без субсидирования аборигенов товарами первой необходимости, падение цен на пушнину привели к тому, что соболей стали ловить вдвое больше прежнего. В итоге численность пушного зверя продолжала сокращаться.

В смутные годы революции и гражданской войны на Дальнем Востоке охотничье хозяйство орочей вообще оказалось на грани развала. Прекратились товарообменные связи. Износилось и пришло в негодность оружие, а боеприпасы стали дефицитом. Одновременно родовые охотничьи угодья орочей стали захватывать русские охотники. Это явление было настолько массовым, что обсуждалось даже на I-м туземном съезде Дальневосточного края, на котором предлагалось «запретить русскому населению вытеснять туземцев с мест охоты на соболя, как это имело место на реке Бичи» (Ботчи)²⁸.

Развалу традиционного охотничьего хозяйства аборигенов в немалой степени способствовали и первые декреты советской власти, посвященные охоте²⁹, которые не учитывали особенностей хозяйства аборигенов и поставили их в трудное положение. Запрещалось добывать зверя в неурочное время, обязательным стало иметь охотничий билет, за регистрацию оружия стали брать налог. За охоту без билета у охотника забирали оружие, добытую пушнину и штрафовали. «Положение об охоте», утвержденное СНК РСФСР в 1923 г.³⁰, отменило эти ограничения для народов Севера, однако на Дальнем Востоке оно не действовало до середины 20-х годов.

В 1925 г. участники Первого туземного съезда поставили вопрос об освобождении аборигенного населения от платы за регистрацию оружия, о разрешении охотиться без билета, о разграничении участков охоты. Местные органы власти учли эти предложения. В силе оставался лишь запрет на охоту в неурочное время³¹.

В середине 20-х годов среди аборигенов-охотников наблюдалась острая нехватка боеприпасов и огнестрельного оружия. Орочи вновь стали использовать самоловы — силки, пасти и прочие ловушки. По этим причинам выход продукции охотпромысла, являвшейся основой бюджета орочей, сократился почти на 50%³². Занятие охотой перестало быть источником стабильного дохода. Подсобные традиционные промыслы — рыболовство и собирательство — также не обеспечивали прожиточного уровня, поэтому многие орочи занялись лесозаготовками, огородничеством, разведением скота.

Со второй половины 20-х годов внимание к охотничьему хозяйству заметно возросло. Пушнина для государства являлась важным источником валютных поступлений. Начался период реконструкции охотхозяйства. Она шла по пути превращения индивидуального промысла в самостоятельную отрасль со своими органами управления и регулирования. Первоначально организацией охотничьего промысла занимались потребительские кооперативы Далькрайсоюза, а затем была образована охотничья кооперативная система — Дальохотсоюз.

Однако внедрение кооперации среди аборигенов края проходило с большим трудом. Особенно замедленными были темпы кооперации у орочей, среди которых работал Тумнинский охотпромысловый кооператив. В 1926 г. в его системе было всего 14 орочских хозяйств. Тумнинский кооператив обеспечивал товарами в кредит только своих членов. Другие охотники были вынуждены покупать товары в магазинах Госторга, однако оружие и боеприпасы там вообще не продавались.

В 1927 г. все кооперативные системы у народов Севера стали заменяться кооперацией смешанного (интегрального) типа, задачи которой состояли в организации промысловой деятельности коренного населения, всестороннем укреплении и развитии традиционного хозяйства, снабжении членов кооператива продовольственными товарами и орудиями промыслов³³. Для орочей работал Тумнинский интегральный кооператив, однако с задачами снабжения населения разными товарами он явно не справлялся. В этих условиях Дальневосточный краевой комитет партии обязал местные органы власти «привлечь к этой работе госторговые организации». Государственная торговля получила право не только продавать свои товары, но и вести пушные заготовки. Так с конца 1927 г. в районах расселения аборигенов стали функционировать кооперативные и государственные торговые предприятия, между которыми тут же началась сильная конкуренция, потому что аборигены стали сдавать пушнину тому, кому выгодней. По этой причине Комитет Севера предлагал систему двух заготовителей в туземных районах ликвидировать. Он считал, что сохранение конкуренции между заготовителями в туземных районах приведет к разорению туземных кооперативов³⁴. В январе 1929 г. Президиум Далькрайисполкома своим решением приказал Дальгосторгу не направлять своих заготовителей в районы проживания аборигенов. Однако это решение не было выполнено, поэтому конкуренция между кооперацией и госторговлей продолжалась.

С начала 30-х годов у орочей в Приамурье начинается постепенный переход от производственной кооперации к коллективизации. У орочей вначале были созданы две артели: одна на о-ве Чапсар, другая — в с. Джугдже³⁵. Вскоре артели объединились, а в 1933 г. на их базе была создана рыболовецко-сельскохозяйственная артель «Ороч». Непосредственное руководство охотпромыслом в колхозе осуществлял Тумнинский интегральный кооператив, а после ликвидации интегральной кооперации (1936 г.) организация охотничьего хозяйства легла на правление колхоза. Колхоз должен был ежегодно отпускать на охоту колхозников. Но правление колхоза по экономическим соображениям это делало с большой неохотой. С 1935 г., когда был объявлен всесоюзный пятилетний запрет охоты на соболя³⁶, правление колхоза вообще не стало давать разрешения на охоту своим членам. Охотники, уходившие на промысел без разрешения, подвергались различным наказаниям вплоть до суда³⁷.

В 40-х годах на пушную охоту колхоз «Ороч» отправлял от 7 до 15 чел., хотя желающих было значительно больше. В 50-е годы Совгаванский горисполком обязывал правление колхоза «Ороч» посылать на добычу пушнины 25—30 охотников. Однако Хабаровский крайрыбколхозсоюз, которому непосредственно подчинялся колхоз, рекомендовал «не выделять охотников», поскольку это отрывало людей от рыбного промысла. Правлению колхоза нельзя было «ссориться» с горисполкомом, но и послушаться своих прямых начальников оно не могло. Приходилось лавировать, склоняясь то в одну, то в другую сторону. Поэтому в охотничьем сезоне 1950—1951 гг. промысел разрешили 11 охотникам, в 1952—1953 гг. — 16. В последующие годы количество охотников вновь сократилось до 10³⁸.

Особенно отказывали в праве на охоту молодым орочам. Это привело к тому, что они постепенно стали утрачивать интерес к традиционному промыслу. Не способствовали развитию охотпромысла и заработка охотников. Они не превышали тысячи рублей в год у самых удачливых промысловиков. Средняя же зарплата колхозника-ороча в начале 60-х годов составляли 200—300 рублей в год. Прожить на такие деньги было невозможно, и люди вынуждены были сознательно нарушать правила охоты. За браконьерство орочей-охотников часто штрафовали, некоторые были осуждены.

В начале 60-х годов в организации охотничьего хозяйства в РСФСР произошли серьезные изменения. В целях наиболее полного и рационального использования угодий и увеличения производства таежной продукции стали создаваться хозрасчетные комплексные предприятия — коопзверопромхозы и госпромхозы.

В 1962 г. в Совгаванском районе был создан Совгаванский госпромхоз, а в Комсомольском районе — Комсомольский коопзверпромхоз. Однако в составе этих предприятий орочей не было.

Наряду с таежной охотой некоторые коппинские орочи занимались зверобойным промыслом. Однако к середине 60-х годов и этот промысел полностью прекратился — пограничники запретили выходить в море на промысел. В связи с режимными ограничениями Хабаровский крайисполком в 1969 г. обязал Совгаванский госпромхоз производить отстрел нерп для питания орочей. Тогда же орочам, проживающим в районе р. Коппи, стали ежегодно выдавать по 10 бесплатных лицензий на отстрел лося³⁹.

В соответствии с «Правилами охоты в Хабаровском крае», утвержденными в 1975 г., охотникам из числа народов Севера предоставлялся ряд льгот: получили право охоты с 14-летнего возраста, не требовалось быть членом общества охотников, не платили государственной пошлины и др.⁴⁰ Однако льготы носили чисто декларативный характер. Добывать зверя можно было только по лицензиям или по договорам с госпромхозами или коопзверпромхозами — и в том и в другом случаях предпочтение отдавалось русским охотникам. Кроме того, традиционные охотугодя ороческого селения Уська-Орочская были переданы военному охотобществу.

В 1990 г. орочи Уськи-Орочской на общем сходе потребовали закрепить за ними бассейн р. Хуту от истоков до устья, изъяв эту территорию из лесосырьевой базы Удоминского леспромхоза. В 1991 г. Хабаровский краевой Совет народных депутатов закрепил территорию Хутинского и Тумнинского лесничества общей площадью 745,2 тыс. га за национальным хозяйством орочей Ванинского района. В 1992 г. за орочами поселка Снежного была закреплена Гурская территория, где всегда охотились орочи.

В национальном коллективном хозяйстве орочей бассейна р. Хуту, образованном в 1990 г., и малом предприятии хунгарийских орочей «Тымай», созданном в 1991 г., работают несколько десятков аборигенов, большая часть которых занимаются охотой, охраной леса от пожаров. Однако эти хозяйства испытывают огромные финансовые и другие трудности, которые не позволяют им вести дело на должном уровне⁴¹.

Рыболовство для орочей играло не менее важную роль, чем охота. Реки Тумнин, Хута, Коппи и др., по берегам которых селились орочи, богаты рыбой. Орочи ловили щуку, тайменя, горбушу, сазана, хариуса, кету. В море добывали корюшку, камбалу, селедку и других рыб.

Промыслом рыбы в основном занимались мужчины, а разделкой — женщины и девочки-подростки. Рыбу орочи ловили круглый год, но наиболее важным временем для рыбалки были август, сентябрь и октябрь, когда в реки на нерест заходили в массовом количестве горбуша и кета. Эти виды рыб заготавливались впрок в большом количестве.

Основными орудиями рыболовства были острога, крючковые снасти, ставные сети, закидные неводы и загородки. Наиболее распространенным орудием лова были остроги, которые по своей конструкции подразделялись на два типа: с трехзубым острием и жестким креплением и двузубая — со свободным креплением.

Острогой добывали рыбу днем и ночью. Особенно увлекателен ночной способ ловли, или лучение. Кету добывали на нерестилищах при зажженном факеле, установленном на носу лодки. За 3—4 часа лучения одной острогой можно было добыть до 150 рыбин⁴².

В большую и мутную воду лов кеты с помощью остроги становился невозможным. В этом случае идущую на нерест рыбу орочи ловили большим крючком, насаженным на длинный и тонкий черенок. Когда рыба попадала на крючок, он срывался с черенка и рыба металась на поводке.

Острогой рыбу добывали и зимой. Для этого делали прорубь, над ней ставили небольшой шалаш. Рыбак закрывал входное отверстие, чтобы в воду не проникал свет. Усевшись над прорубью, ороч спускал в воду приманку *бомэка*. Когда рыба подплывала к приманке, ударом двузубой остроги ее убива-

ли. Для подледного лова камбалы использовали шестизубую или однозубую остроги. Подледным ловом преимущественно занимались женщины, подростки и старики.

Ленка, хариуса и другую рыбу ловили также удочкой, состоящей из крючка, лесы и удилица. Наживой служили заранее припасенные черви. Зимой в незамерзающих протоках рыбу ловили старики и подростки. Вместо наживы использовали специальные крючки с мушкой или крючок, обмотанный желтой или красной шелковой ниткой. Такая нажива хорошо привлекает к себе ленков и хариусов. Если на удочку попадала большая рыба, которая могла оборвать лесу, ее подтаскивали к кромке льда и подцепляли крючком, привязанным к черенку длиной 50—60 см. Для подледного лова камбалы применялась удочка-махалка с коротким удилицем и длинной леской.

Некоторые орочи пользовались крючковой снастью, состоящей из множества крючков на поводках, привязанных через 50—60 см к длинной веревке. Один конец снасти привязывали к камню и забрасывали в воду, а другой укрепляли на берегу так, чтобы снасть была в натянутом положении, а крючки не касались дна. Ее проверяли с лодки два раза в сутки — рано утром и поздно вечером.

Ловили рыбу и с помощью сетей и неводов. Рыболовецкие сети орочи изготавливали из крапивных ниток, смоченных в крови лосося. Вязали их деревянными иглами, а для наматывания сетевых ячеек применяли деревянные формы различных размеров.

В зависимости от конструкции, размеров ячеек и длины рыболовные снасти имели разные названия: небольшой ставной невод назывался *адули*, малая сеть — *агга*, большой закидной невод — *дагдали*, сеть для добычи крупной рыбы — *гооли*, сеть для лова горбуши — *окомагда*, для добычи кеты — *давамагда*, сеть для подледного лова — *анга*.

Сетевые орудия лова у орочей были двух видов — одинарные сети и неводы. Сеть имела высоту от 1 — 2 м и длину 10 и более метров. Верх ее снабжался поплавками из коры березы или старого тополя, а низ оснащался грузилами из речной гальки. Неводы были большие и малые. Малый ставной невод был длиной до 15 м, а большой закидной невод достигал более 20 м при ширине 1,5 м. В отличие от сети у невода имеется мешковидный притон и четыре тягловых веревки, которые крепятся к углам крыльев. При лове рыбы неводами орочи объединялись по два-четыре человека. Добытую рыбу делили поровну.

На скатывающуюся в море отнерестившуюся кету и горбушу орочи на перекатах устраивали специальные загородки. К ловушке от берега подводили мост; если мост нельзя было соорудить, то проверку загородки производили с лодки. Попавшую в ловушку рыбу вытаскивали крюком. Установка таких ловушек была не под силу одному человеку, поэтому для их сооружения объединялись по двое⁴³.

В начале XX в. на побережье Татарского пролива стало развиваться промышленное рыболовство. Особую активность проявляли японские промышленники, которые по Портсмутскому договору 1905 г. получили право ловить рыбу у берегов России. Кроме собственного промысла владельцы японских рыболовецких шхун выменивали рыбу на товары и продукты, при этом товары и продовольствие предлагались значительно дешевле, чем у других торговцев. Товары первой необходимости давались и в долг под будущий улов. При погашении долга японцы горбушу оценивали по одной копейке за штуку. Часто получалось так, что, расплачиваясь за долги, аборигены сами оставались без рыбы и «нередко зимой бывают вынуждены покупать у тех же японцев соленую горбушу по 10 коп. за штуку и опять-таки в кредит без денег и на запись»⁴⁴.

В конце XIX в. на семью из пяти человек орочи запасали в среднем 1500—3000 штук лососей⁴⁵. По данным переписи 1926 г., 14 хозяйств орочей (74 чел.) поймали 9674 штук кеты, 39 ц хариуса и 36 ц прочей рыбы⁴⁶, т.е. на одного человека в среднем приходилось 130 штук кеты, 53 кг хариуса и 48 кг другой рыбы. Это примерно в 3 раза меньше, чем добывалось в прошлые годы.

Несмотря на спад рыбного промысла, именно он составлял основу экономики орочей, поэтому, когда началась коллективизация, колхоз «Ороч» был создан на уставе рыболовецкой артели. В конце 1935 г. в него влилось производственное товарищество стойбища Урьма. Центральная усадьба колхоза находилась в селе Уська, а его участки были разбросаны на расстоянии до 200 км, что сильно осложняло управление хозяйством. В 1935 г. на территории колхоза находилось 117 хозяйств орочей, из них 287 чел. состояли в колхозе, большинство хозяйств концентрировалось на центральной усадьбе.

С появлением коллективного хозяйства в рыболовстве орочей изменений почти не произошло. Как и в прежние времена, пользовались традиционными снастями и народными способами лова. Изменились только организация труда и объемы добычи. Раньше рыбачили по потребности, рыбу ловили только для питания семьи. Теперь стали работать бригадами по 8—10 часов в сутки, нормой жизни стало обязательное выполнение плана. Жесткая регламентация распорядка дня весьма болезненно воспринималась многими орочами.

Материально-техническое оснащение ороцкого колхоза было незначительным: до середины 50-х годов в хозяйстве имелось 5—7 парусно-гребных деревянных кунгасов малой грузоподъемности, столько же грузовых кунгасов, 6 рыбацких гребных лодок, 10—15 самодельных национальных лодок *ульмагда*, 5 закидных и 6 ставных неводов. В колхозе не было механического транспорта, все перевозки осуществлялись лошадьми⁴⁷. Первая грузовая машина и трактор появились лишь в 1956 г., а моторный флот (самоходные кунгасы, моторные лодки и др.) — в 1960 г. Тогда же хозяйство обзавелось современными капроновыми сетями. Но, несмотря на слабую техническую оснащенность, колхоз «Ороч» за три довоенных года добыл и продал государству 26970 ц рыбы⁴⁸ — в среднем по 172 ц на каждого рыбака. В годы войны колхозу определили практически невыполнимый план: 9280 ц рыбы против 7066 ц в довоенные годы. Для выполнения этого задания были мобилизованы все трудоспособные члены семей колхозников, а также подростки и даже дети. В результате число занятых на промысле выросло по сравнению с 1940 г. на 120 чел., в том числе рыбаков — с 44 до 92 чел. К концу войны из-за мобилизации мужчин на фронт число рыбаков сократилось до 59 чел. На рыбалках остались преимущественно женщины и подростки. За счет энтузиазма и каторжного труда колхозу удалось добыть за годы войны 48238 ц рыбы (по 193 ц на каждого участника лова). Это был самый высокий показатель за всю историю существования колхоза.

К концу 1945 г. число колхозников в хозяйстве сократилось с 504 до 376 чел., в том числе работающих — с 254 до 152 чел. Много колхозников перешло работать на промышленные предприятия района⁴⁹. В послевоенные годы колхоз «Ороч» успешно выполнял плановые задания по добыче рыбы. Особенно благоприятными оказались 1948 и 1949 гг. Меньше чем за 4 года был выполнен и пятилетний план.

Материальное положение колхозников в послевоенные годы было очень тяжелым. Непосильным бременем, в частности, были обязательные госпоставки мяса. Поскольку домашнего скота орочи не держали, вместо мяса им разрешалось сдавать аналогичное количество (5500 кг) рыбы, но разницу в цене мяса (2 руб. за кг) и рыбы (39 коп.) необходимо было доплачивать деньгами. Наличных денег у орочей не было, поэтому платежи осуществлял колхоз, а потом деньги удерживал из и без того низкой зарплаты колхозников. Все это никак не стимулировало труд людей, поэтому орочи проявляли большое недовольство, а с 1952 г. люди откровенно отказывались работать бесплатно. «Мы работаем, но остаемся в долгу, наряды не закрываются, со стороны бригадира допускается грубость», — звучало на одном из собраний колхоза «Ороч»⁵⁰. Заставить работать некоторых людей не могли даже жесткие административные меры — за невыход на работу орочей штрафовали, исключали из колхоза, судили. Только в 1952 г. за отказ работать в колхозе были отданы под суд Г.С. Акунка, Н.С. Пунадинка, И.С. Еминка, В.П. Чудников и другие колхозники⁵¹.

К середине 60-х годов колхоз «Ороч» представлял собой экономически слабое хозяйство. Численность колхозников к этому времени сократилась до 226 чел. (75 трудоспособных). В этих условиях было решено объединить его с русским колхозом «Даттинец», который не только добывал рыбу, но и обрабатывал ее, имел мотолодки, катера и автомобили.

К концу 1967 г. в объединенном колхозе «50 лет Октября» состояло 290 чел., половина из них были орочи. Укрупненному колхозу выделили три автомобиля, три катера, обновили орудия лова. Хозяйство стало интенсивно развивать морское рыболовство, к которому, надо сказать, орочи не были готовы, поэтому большая часть орочских рыбаков оказалась не у дел. Люди стали уходить из колхоза, уже к началу 80-х годов численность орочей в колхозе составляла менее 20%, на добыче рыбы из них работали единицы. Рыболовство как самостоятельная и традиционная отрасль орочей было уничтожена.

Собирательство у орочей имело подсобный характер. Его продукция полностью использовалась в семье. Заготовка дикорастущих растений осуществлялась с конца весны и продолжалась в течение всего лета и осени. Весной женщины собирали дикий лук, сарану, кислицу, стебли белокопытника, черемшу, коренья дикой лилии, крапиву и др. В июне начинался сбор жимолости, в июле поспевала черемуха, которую заготавливали впрок в большом количестве, в августе собирали голубику, в сентябре — бруснику и чернику, лимонник, дикий виноград, боярышник, шиповник, калину, дикие груши, яблочки и др.

Ягоды, травы и плоды служили как продуктом питания, так и лекарством от разных заболеваний. Для предотвращения цинги весной использовали черемшу, дикий лук и чеснок. Сок подорожника широколистного — при желудочно-желудочных заболеваниях. Из листьев красной смородины делали отвар и пили при болях в животе. Отвар из ягод черемухи употребляли при расстройстве желудка, калину — для понижения давления, лимонник — для повышения.

Традиционное собирательство орочей и других аборигенов края, охота и рыболовство составляли единый комплекс присваивающего хозяйства. Широкое использование съедобных и лекарственных растений свидетельствовало о глубоких знаниях окружающей флоры и большом практическом опыте, приобретенном орочами.

С созданием колхоза в жизнь орочей стало внедряться сельское хозяйство. Они научились обрабатывать землю, выращивать овощи и зерновые. На колхозном подворье появились коровы, свиньи, лошади, птица. Ограничения охоты на копытных животных заставили некоторых орочей держать личных коров и свиней. Количество животных в семьях колхозников возрастало. Если в 1933 г. у них имелось 8 голов крупного рогатого скота и 30 свиней, то уже в 1934 г. — 29 голов крупного рогатого скота и 38 свиней⁵². Появилось и домашнее огородничество, выращивались в основном картофель и овощи.

Посадки на колхозных полях с каждым годом возрастали: в 1938 г. под картофель использовали 7,5 га, в 1940 г. — 24,8 га. Однако урожайность картофеля и овощей ежегодно сокращалась из-за истощения земли. Если в 1938 г. с гектара собрали 175,2 ц картофеля, то в 1940 г. — 31,3 ц. В годы Великой Отечественной войны площади под картофелем увеличились до 133 га, однако урожай оставался низким. Не удалось вернуть даже семена. В послевоенные годы ситуация почти не изменилась, урожай картофеля не превышал 43 ц⁵³.

Орочи неохотно работали на колхозных полях и фермах, они плохо обрабатывали посевы и содержали скот, поэтому урожаи были низкими, а от содержания крупного рогатого скота колхоз практически не имел прибыли, удои молока на одну корову колебались от 800 л в 40-х годах, до 1900 л — в 60-х.

После объединения колхозов «Ороч» и «Даттинец» в общем хозяйстве к 1970 г. пашня сократилась до 13 га, на которых колхоз «50 лет Октября» выращивал свеклу и турнепс на корм скоту.

В объединенном колхозе большое внимание уделялось животноводству. Численность крупного рогатого скота с 66 голов в 60-х годах увеличилась до 243 в 80-х; до 2774 кг возросли надои молока на одну фуражную корову.

Однако участие орочей в развитии животноводства было минимальным, им занимались в основном русские колхозники. На всех этапах существования колхоза сельское хозяйство приносило одни убытки, которые покрывались за счет рыболовства и обработки рыбы, что отрицательно сказывалось на зарплате рыбаков.

При всех недостатках колхозного строительства внедрение сельского хозяйства в жизнь орочей было правильным решением советских органов власти, потому что в 20—30-е годы аборигены края за счет охоты и рыболовства жить не могли, а внедрение в их быт сельского хозяйства и дальнейшее его развитие явилось важным фактором в решении проблемы выживания народа. Тот факт, что орочи в наше время с успехом выращивают разные овощи и картофель, а некоторые содержат свиней и крупный рогатый скот, делают запасы овощей на весь год, является доказательством верной государственной политики тех лет⁵⁴.

- ¹ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб, 1883. Т.1; Маргаритов В.П. Орочи Императорской Гавани. СПб, 1888; Арсеньев В.К. Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае // Соч. Владивосток, 1949. Т.6. С.153—177; Лопатин И.А. Орочи — сородичи маньчжур. Харбин, 1925; Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Орочские тексты и словарь. Л., 1978. 264 с.; Ларькин В.Г. Орочи: (Ист.-этногр. очерк с середины XIX в. до наших дней). М., 1964. 174 с.
- ² Ларькин В.Г. Орочи...
- ³ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Л., 1977. Т. 2. С.325.
- ⁴ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп.1. Д.11. Л.43.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Арсеньев В.К. Соболь и способы охоты на него... С.162.
- ⁷ Маргаритов В.П. Орочи Императорской Гавани. С.13.
- ⁸ Арсеньев В.К. Охота на соболя // Соч. Владивосток, 1947. Т.6. С.183.
- ⁹ Маргаритов В.П. Орочи Императорской Гавани. С.12.
- ¹⁰ Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Орочские тексты... С.10
- ¹¹ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков... Т. 1. С.491—492.
- ¹² Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Орочские тексты... С.7.
- ¹³ Ларькин В.Г. Орочи... С.26. Рис. на С.28.
- ¹⁴ Там же. С.30—31.
- ¹⁵ Надаров И.П. Северно-Уссурийский край // Зап. РГО. СПб., 1887. Т.17. С.120.
- ¹⁶ Ларькин В.Г. Орочи... С.31.
- ¹⁷ Маргаритов В.П. Орочи Императорской Гавани. С.13.
- ¹⁸ Старцев А.Ф. Приемы охоты и снаряжение удэгейского охотника //Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983. С.31.
- ¹⁹ ПКМ, кол. № 1451-1, 2237-8
- ²⁰ ГМЭ, кол. № 7003-7
- ²¹ Архив ОИАК. Ф. В.К.Арсеньева. Оп.1. Д.5. Л.71.
- ²² Маргаритов В.П. Орочи Императорской Гавани. С.13.
- ²³ Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Орочские тексты... С.8—10
- ²⁴ Маргаритов В.П. Орочи Императорской Гавани. С.13.
- ²⁵ Арсеньев В.К. В селении орочей // Встречи в тайге: Рассказы. Хабаровск, 1981. С.83, 86.
- ²⁶ Арсеньев В.К. Охота на соболя... С.179
- ²⁷ Арсеньев В.К. За соболями (Скупщики пушнины на Дальнем Востоке) //Соч. Т.6. Владивосток, 1949. С.183—184.
- ²⁸ Первый Туземный съезд ДВО. Хабаровск, 1925. С.21.
- ²⁹ О сроках охоты и праве на охотничье оружие (СУ РСФСР. 1919. №21. Ст. 256); Об охоте (СУ РСФСР. 1920. №66. Ст. 297).
- ³⁰ СУ РСФСР. 1923. №17. Ст. 216.
- ³¹ РГИА ДВ. Ф.623. Оп.1. Д.40. Л.19 об.
- ³² Там же. Д.37. Л.3.
- ³³ Яковлева Е. Колхозное строительство у народов Приамурья //Дальний Восток за 40 лет советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958. С.421
- ³⁴ ЦГА РФ. Ф.3977. Оп.1. Д.554. Л.126.
- ³⁵ Там же. Д.804. Л.12.

-
- ³⁶ Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока. Хабаровск, 1976. С.59.
- ³⁷ ГАХК. Ф.1898. Оп.2. Д.9. Л.17.
- ³⁸ Там же. Д.30. Л.20, 23.
- ³⁹ Там же. Ф.137. Оп. 14. Д.2259. Л.15.
- ⁴⁰ Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф.1. Оп.2. Д.354. Л.228.
- ⁴¹ Старцев А.Ф. Проблема развития охотничьего промысла у орочей в годы советской власти // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-запад: Материалы междунар. науч. конф. (16—18 мая 1995 года). Владивосток, 1995. Вып. 2. Ч. 1. С.62.
- ⁴² Ларькин В.Г. Орочи... С.33
- ⁴³ Там же. С. 32—33
- ⁴⁴ Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901—1911 гг. Хабаровск, 1912. С.287
- ⁴⁵ Браиловский С.Н. Тазы или удихэ: Опыт этнографического исследования (Отдельный оттиск из журнала «Живая старина»). СПб., 1901. С.75
- ⁴⁶ Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 г.). Благовещенск, 1929. С.211
- ⁴⁷ ГАХК. Ф.1898. Оп.2. Д.5. Л.3 об., 5 об.; Д.6. Л.62, 64 об.; Д.8. Л.108; Д.11. Л.25 об.; Д.15. Л.33 об.; Д.16. Л.4 об.; Д.31. Л.4 об.; Д.35. Л.29 об.; Д.41. Л.67; Д.48. Л.34.
- ⁴⁸ Там же. Ф.1898. Оп.2. Д.1. Л.8 об.; Д.5. Л.3; Д.6. Л.61.
- ⁴⁹ Там же. Д.14. Л.31; Д.16. Л.1.
- ⁵⁰ Там же. Д.29. Л.33 об.
- ⁵¹ Там же. Д.33. Л.7.
- ⁵² Там же. Д.2. Л.2; Д.5. Л.5 об.
- ⁵³ Там же. Д.1. Л.10; Д.2. Л.5; Д.6. Л.63.

SUMMARY. «The Orochi Traditional and Present Economy» is the article by Candidate of Historical Science A. Startsev. The author details the Orochi economic activity, tells about their most important occupations, about equipment used by these Far Eastern aborigines, and about changes which took place in their life in the Soviet period. The author also shows the present situation.